

изменений человеческой природы воспитанием. Но в дальнейшем можно предвидеть приложение различных психологических дисциплин и в виде непосредственного переноса методов психологической диагностики в педагогический опыт, преоб-

разования методов исследования в процессе тренировки и обучения. Вполне возможно, что некоторые из этих приложений преобразуются в новые пограничные дисциплины, подобно педагогической психологии.



О системе возрастной психологии

«Вопросы психологии». — 1957. — №5. — С. 156-170

I

Проблема индивидуального развития человека — одна из фундаментальных проблем естествознания и психологии. В этой проблеме имеется ряд важных психологических аспектов, особенно тесно связанных с вопросами формирования личности. Одним из них является изучение возрастных особенностей, весьма существенных для каждого отдельного периода человеческой жизни.

Эти особенности, несмотря на их кажущуюся доступность для исследования, представляют собой весьма сложные природные явления, многообразно опосредствованные общественными условиями и образом жизни человека, воспитанием и характером практической деятельности. Возрастные особенности взаимосвязываются по различным путям с половыми, типологическими и индивидуальными особенностями, от которых их можно отделить только весьма относительно. Все это затрудняет выделение возрастных особенностей для специального исследования. Исключения составляют лишь самые ранние этапы человеческой жизни, когда возрастные особенности выступают в более чистом виде, а типологические и индивидуальные модификации развития еще слабо выражены.

В первые годы жизни человека возрастные различия измеряются месяцами и полугодиями. Это явление имеет место и

в самом начале процесса обучения в школе. Так, например, изучая особенности развития детей в процессе первоначального обучения (в I классе школы), мы убедились, что здесь еще действует фактор микровозрастных различий, сказывающийся на успешности усвоения начала чтения, письма и счета. Разница в шесть месяцев между детьми семи лет, семи лет шести месяцев и восьми лет сказывается на скорости и точности образования навыков, на образовании и упрочении новых связей, формировании элементов логического мышления. Мы считаем возможным объяснить этот факт различиями объема и круга жизненно необходимых представлений, зависящих не только от предшествующего воспитания, но и от накопления жизненного опыта детей, различающегося по срокам их жизни. Примечательно, что эти «микровозрастные» различия между детьми уже исчезают к концу первого года обучения, так как фронтальные методы воспитания и обучения способствуют образованию известного общего уровня развития ума и поведения детей. Во II-III классах эти микро-различия уже не дают о себе знать, так как они затеняются более значительными различиями между детьми по типам их нервной системы и формирующимся чертам характера.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в ранние периоды жизни чело-

века сроки наступления того или иного возрастного этапа носят более или менее общий характер, относительно независимый от особенностей конституции, типа нервной системы и т. д. Исключение составляют дети с дефектами центральной нервной системы, органов чувств и двигательного аппарата, общая задержка в развитии которых сказывается на смене возрастных периодов.

Но уже в подростковом, а тем более в юношеском возрасте смена возрастных периодов во многом зависит не только от условий воспитания, но и от сложившихся индивидуальных и типологических особенностей формирующейся личности. Процессы роста, созревания и развития все более опосредствуются накопленным жизненным опытом и образовавшимися типологическими и индивидуальными чертами.

Это положение особенно характерно для всех периодов зрелости, возрастные различия между которыми как бы «перекрываются» типом индивидуального развития, характером практической деятельности и т. д. «Меры времени» для отграничения одного периода зрелости от другого измеряются уже не годами, а десятилетиями, в зависимости от сложившегося уровня жизнестойкости и жизнеспособности человека.

Далее, в процессе старения мера времени вновь сокращается, хотя интенсивность процесса старения во многом зависит от морально-психологических факторов, особенно от типа характера и активности трудовой деятельности человека.

Несомненно, что одним из главных вопросов теории индивидуального развития человека является именно вопрос о соотношении возрастных, типологических и индивидуальных особенностей человека, об изменяющихся и противоречивых взаимосвязях между ними. Надо отметить, что этот вопрос почти не разработан в психологии и физиологии высшей нервной деятельности. Дело в том, что изучение возрастных особенностей детей обычно редко связывается с исследованием типологических и индивидуальных вариаций в пределах одной и той же воз-

растной группы. Изучение особенностей типов высшей нервной деятельности у детей также не сопровождается специальным исследованием их возрастных особенностей. Что касается основной массы исследований по типологии высшей нервной деятельности человека, то они проводятся на взрослых людях, без должного учета хотя бы макровозрастных различий между ними. Основные параметры типов высшей нервной деятельности взрослого человека обычно рассматриваются безотносительно к возрастной динамике силы, подвижности и равновесия нервных процессов, вообще пластичности нервной системы.

Естественно, что первые пробы типологических исследований не могут охватить всю сложность индивидуального развития; диалектическая взаимосвязь типа и возраста осталась вне поля изучения. Однако для будущих исследователей изучение этих взаимосвязей является необходимым; типологическое изучение особенностей индивидуального развития следует тесно связать с изучением микро- и макровозрастных различий, являющихся важным показателем стадийности индивидуального развития человека. Тем более такое требование следует предъявить к исследованиям в области возрастной психологии, в которой учет типологических вариантов в пределах каждой возрастной группы дает возможность более точно отграничить фактор времени жизни и состояния индивидуального развития в целом.

Обращает на себя внимание, что индивидуальное развитие с возрастом приобретает все более своеобразно-индивидуализированный характер. Это выражение отнюдь не является тавтологией. Общие закономерности индивидуального развития (как онтогенеза) от рождения к зрелости, в пределах обширного периода зрелости, от зрелости к старости все более многообразно видоизменяются по мере образования и развития у человека способностей и характера, жизненной направленности и опыта практической деятельности.

Именно поэтому люди приходят к порогу гражданской, умственной и практи-

ческой зрелости многообразным путем, с более или менее сформированной индивидуальностью. Своеобразие индивидуальности накладывает определенный отпечаток на переход от зрелости к старости, на протекание всех периодов старости. Преждевременное старение одних, более или менее физически сохранившихся людей, моральная и умственная активность («молодость») других людей в состоянии более или менее глубокой старости — все эти особенности развития свидетельствуют об огромной роли, какую в возрастной динамике играет индивидуальное развитие самого человека, мера его общественно-трудовой активности, полнота и сила его характера. Поэтому, исследуя возрастную динамику, особенности отдельных периодов и взаимосвязи между ними, нельзя абстрагироваться от жизненного пути человека, истории его индивидуального развития в разнообразных общественных связях и опосредствованиях.

Но из этого не следует, что возрастные особенности не имеют значения для индивидуально-психического развития человека. Учет этих особенностей необходим не только в процессе воспитания подрастающего поколения, но и в любой области практической работы с людьми. Возрастная динамика индивидуального развития составляет важную его сторону, которая требует специального изучения. Общие для всех людей возрастные периоды жизни (от младенчества до старости) характеризуются относительно постоянными признаками соматического и нервно-психического развития. Наиболее сложным вопросом для научного изучения возрастной динамики является взаимосвязь между возрастными периодами, существующая не только между смежными, но и более отдаленными друг от друга фазами индивидуального развития. Однако в современной науке преимущественно изучаются относительно изолированные возрастные особенности нервно-психического развития; взаимопереходы и внутренние связи между разными возрастными периодами еще ждут глубокого психологического изучения.

(...)

3

В современной науке сложилась *генетическая* основа теории индивидуального развития, раскрывающая определенные закономерности формирования человека в процессе его воспитания, образования и обучения.

Но формирование человека от рождения до зрелости не исчерпывает всего цикла индивидуально-психического развития. Чем психологически характеризуется развитие человека после наступления физической, гражданской и умственной зрелости? Есть ли какие-либо возрастные периоды в том огромном диапазоне «зрелости» (взрослости), который измеряется 25-30 годами наиболее активной творческой деятельности человека?

Какова возрастная динамика психических процессов и свойств личности на протяжении от 20 до 50 лет? На эти вопросы современной науке еще предстоит дать ответы, хотя общая психология и построена на экспериментальном изучении взрослых людей.

В общей психологии стало традицией, когда объектом исследования являются взрослые люди, абстрагироваться от возраста еще в большей мере, чем от типологических и индивидуальных особенностей личности. Предполагается, что развитое сознание не имеет каких-либо других природных особенностей, кроме типических особенностей нервной системы. Абстрагирование от возрастных изменений в этот основной период человеческой жизни не случайно; оно связано с некоторыми метафизическими предрассудками о зрелости как своего рода «психической окаменелости» (Клапаред), как о состоянии законсервированности ранее сложившихся механизмов и свойств психического склада личности.

Если предшествующие возрасты рассматриваются с полным основанием как резко отличные друг от друга динамические *стадии* развития, то «взрослость» рассматривается как некое сплошное статическое *состояние*, качественно не изменяющееся до наступления старости. В этом состоянии якобы нет существенных новообразований развития, а по существу

нет и самого развития. В некоторых идеалистических концепциях (например, психоанализ) имеют место сложные спекулятивные построения по поводу скрытого инфантилизма психики взрослого человека, движущей силой которого якобы остаются неизжитые конфликты детства.

Нередко доказывается, что взрослое состояние есть длительная остановка психического развития, отделяющая регресс в старости от прогресса в детстве, отрочестве и юности. Одно из таких «доказательств» представлено в кривой онтогенетической эволюции памяти у Эббингауза [14]. Он различал три основных периода эволюции памяти: прогресс (с раннего детства до 25 лет), остановка в развитии (от 25 до 50 лет), регресс (от 50 лет до конца жизни). Более широкое толкование такого хода индивидуального развития в различных концепциях буржуазных авторов привело к утверждению, что вследствие ранней остановки развития обучение взрослых не имеет смысла. Возможность эффективного обучения взрослых людей отрицалась на основании того, что якобы после наступления зрелости постепенно снижается пластичность мозга, становится ограниченной возможность новообразований ума и поведения, а весь психический склад человека фатально предопределяется предшествующим ходом развития.

Подобные «теории» были идеологическим оружием остатков разбитых классов в борьбе с культурной революцией в нашей стране. В 20-х годах они пытались противопоставить эти взгляды общенародному движению за ликвидацию массовой неграмотности и малограмотности, созданию рабфаков при вузах и т. д. Никакой научный эксперимент не может равняться по силе и убедительности доказательств с результатами культурной революции, которая в кратчайшие сроки подняла на высокий уровень умственное развитие десятков миллионов трудящихся, взрослых людей всех возрастных континентов.

Не меньшее значение для доказательства изменчивости и воспитуемости механизмов умственного развития взрослых людей представляет собой массовый

опыт переобучения и коренного совершенствования производственного опыта рабочих в условиях технического прогресса. В этих условиях происходит смена профессий и специальностей, техническое переоснащение труда, требующее быстрого переключения с одного вида деятельности на другой, совмещения их в разнообразных сочетаниях и т. д., что невозможно без сочетания производственного опыта с непрерывным ростом технических и политехнических знаний.

Огромная часть взрослого населения нашей страны учится, совмещая ученье с трудом, благодаря чему практический опыт соединяется с теорией; в массовых масштабах развиваются рационализаторство и изобретательство, т. е. творческая деятельность высокого интеллектуального уровня. Можно считать, что этот замечательный советский опыт полностью разоблачает антинаучный тезис о застойности психики и отсутствии развития на разных этапах «взрослости». Может возникнуть вопрос, что подобные качественные сдвиги не затрагивают механизмов нервной деятельности, которые остаются неизменными. Подобное предположение лишено оснований. Нам известны два основных механизма (по Павлову): механизм временных связей и механизм анализаторов. По поводу первого из них можно сказать, что всякий процесс обучения есть процесс образования новых временных связей, а следовательно — новых функциональных систем. Массовая практика обучения взрослых является прямым доказательством *развития* у них этого механизма. Достаточно убедительным в этом отношении являются физиологические и психологические исследования, проводимые на взрослых людях в целях выработки у них новых функциональных систем, составляющих основы навыков, умений и сложных логических действий.

Весьма показательны данные о повышении чувствительности разных анализаторов под влиянием трудовой деятельности [3], свидетельствующие о *развитии* анализаторной деятельности мозга, ее высокой пластичности у взрослых людей.

Все это позволяет считать, что

взгляд на зрелость, как на консервативное состояние, исключающее умственный процесс и развитие новых возможностей индивида, лишен каких-либо научных оснований.

Любопытно отметить, что к такому выводу приходят и некоторые крупные зарубежные психологи. Так, например, Ф. Бартлетт [15, 16] считает, что проблема индивидуально-психического развития неправомерно ограничивается периодом детства, что наиболее активные формы этого развития имеются в разных стадиях зрелости. К этому заключению его привели многие данные перестройки сенсорного и умственного развития взрослых людей в условиях современного, высоко автоматизированного производства. Срочные переключения и смена способов умственной деятельности в этих условиях свидетельствуют о больших потенциях развития взрослых людей, порождаемых самой человеческой деятельностью. Несомненно, что существует внутренняя зависимость вновь возникающих в результате деятельности возможностей от истории индивидуального развития. Но также *несомненно*, что в этой предшествующей истории заключено только начало характера и специальных способностей, только исходные моменты жизненного опыта и творчества, изменения которых составляют, по выражению П. Жанэ, «психическую эволюцию личности» [17]. Этапы этой эволюции совпадают с событиями общественной и личной жизни, с основными эффектами собственной деятельности человека. Эти этапы бесконечно варьируют во времени у разных людей, не поддаваясь точной возрастной унификации. Однако и П. Жанэ считал весьма важным изучение «временной личности», т. е. возрастной динамики.

Если «взрослость» не консервативное состояние, а определенная, притом основная, форма развития личности (ее «психической эволюции»), то в этом развитии должны быть свои фазы, преемственно зависящие одна от другой. Наука еще не знает периодов этих фазных изменений, протекающих в значительно больших временных границах, нежели периоды детства

или старости. Но в обыденной жизни достаточно хорошо различают взрослых людей периода молодости, «среднего возраста», пожилых, отличающихся друг от друга не только физическим состоянием и работоспособностью, но также поведением, умственным развитием и характером жизненного опыта. Мера пластичности мозговой деятельности не остается одинаковой во все эти периоды, хотя можно предположить, что ее изменение протекает неравномерно в разных анализаторах, в первой и второй сигнальных системах, в общей динамической стереотипии корковой деятельности. Переходы от одной стадии к другой тесно связаны с типологическими особенностями высшей нервной деятельности, прежде всего с силой и подвижностью нервных процессов. Не меньшее значение имеет общее развитие всего организма, влияющее на тонус жизнедеятельности в целом. Все это требует систематических сравнительно-возрастных исследований, носящих комплексный характер, с обязательным участием психологической науки.

Без изучения возрастной динамики «взрослости» трудно решать проблемы долголетия, волнующие современное естествознание и медицину. Дело в том, что как источники преждевременного старения, так и источники долгой жизнестойкости заключены во всем процессе индивидуального развития, особенно в тех этапах зрелости, которые непосредственно предшествуют старости.

В нашей стране благодаря социалистическому строю неуклонно увеличивается средняя продолжительность человеческой жизни. На реальную почву ставится борьба за дальнейшее расширение средних границ человеческой жизни, основанная на достижениях науки. Из твердо установленного различия между патологической и физиологической смертью, из данных о механизмах преждевременного «патологического» старения и его предотвращения сделан важный вывод о возможности обеспечить долголетие путем комплексного применения социально-гигиенических, профилактических и терапевтических средств. Создается система «лече-

ния» старости, которая уже приводит к осязаемым результатам. Физиология и патология шагнули далеко вперед в деле искусства «продления жизни», так называемой макробиотики, носившей сто лет назад, во времена Гуфеланда [7], характер романтической легенды.

Однако сейчас остается еще в тени психологический аспект проблемы долголетия и недостаточно оценивается значение психопрофилактики преждевременного старения, так как психологическая наука не участвует в этом новом научном движении современности. Между тем это участие способствовало бы уяснению роли морально-психологических факторов в длительном сохранении жизнестойкости, а особенно — в предупреждении преждевременного старения. Весьма важно выявить скрытые возможности развития, которые и в эти поздние периоды человеческой жизни, вероятно, не носят однородного и равномерного характера. Путем аналогии с другими периодами индивидуального развития можно предположить, что и на этой стадии образование и упрочение временных связей зависит от того, на базе каких анализаторов они возникают. Но в разные периоды жизни чувствительность анализаторов развивается в разных направлениях, образуя зоны сенситивности в некоторых из них. Необходимо сравнительное изучение деятельности всех анализаторов внешней и внутренней среды старческого организма для того, чтобы определить соотношение «прогресса» и «регресса» ощущений разных модальностей, а тем самым и разных форм восприятия. Нет основания для утверждения о сплошном обратном развитии всех анализаторов лишь по данным об ослабленности слуха и зрения. Также требует экспериментальной проверки так называемый закон обратного развития старческой памяти, сформулированный Т. Рибо [10], так как состояние общей и состояние профессиональной, специальной памяти могут быть резко различными. Интересные проблемы в области теории навыков и привычек, с одной стороны, мышления — с другой, равно как и в области модификации характеров, степени

продуктивности таланта и т. д. встают при изучении психологии старости.

При современном состоянии науки становится возможной объективная периодизация стадий старения и старости. Но в данный момент так называемые геронтологические проблемы нас интересуют не сами по себе, а как часть возрастной психологии. В систему возрастной психологии должны войти все взаимосвязанные периоды человеческой жизни, начиная с раннего детства и кончая старостью. Систематическое сравнительно-возрастное изучение человека необходимо для разработки теории индивидуально-психического развития человека.

К накопленным ранее данным сравнительного изучения детей и взрослых необходимо присоединить данные о сдвигах психического развития в периоды старения и старости, постепенно охватывая разные области индивидуально-психического развития. Подобные сравнительные исследования намечены нами в области онтогенетической эволюции парной работы больших полушарий и восприятия пространства. Было бы крайне желательно провести аналогичное исследование эволюции восприятия времени, являющегося одним из существенных показателей стадии индивидуального развития, развития памяти и т.д.

Наряду с подобным изучением «возрастных срезов» индивидуального развития целесообразны и монографические исследования целостных изменений личности в различные периоды жизни. Внутренние закономерности индивидуально-психического развития человека заключены во взаимосвязи всех стадий этого развития, в его целостном характере, обусловленном системной деятельностью головного мозга, как субстратом сознания. Эти внутренние закономерности индивидуального развития выражают законы общественного развития, определяющие сущность личности человека.

Нет сомнения в том, что коллективными усилиями советских психологов удастся построить систему возрастной психологии, необходимую для познания закономерностей индивидуально-психического развития.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Б.Г.Ананьев, О преемственности в обучении, «Советская педагогика», № 2, 1953,
2. Б.Г.Ананьев, О развитии детей в процессе обучения, «Советская педагогика», № 7, 1957.
3. Б.Г.Ананьев, Труд как важнейшее условие развития чувствительности, «Вопросы психологии», № 1, 1955.
4. В.М.Бехтерев, Объективное исследование нервно-психической сферы в младенческом возрасте, Спб., 1909.
5. А.Валлон, От действия к мысли, М., изд-во иностранной литературы, 1957.
6. Л.С.Выготский, Мышление и речь, «Избранные психологические исследования», М., изд-во АПН РСФСР, 1956.
7. Х.Р.Гуфеланд, Искусство продлить человеческую жизнь (макробиотика), изд. 3, Спб., 1856.
8. Г.С.Костюк, О взаимоотношении воспитания и развития ребенка, «Советская педагогика», № 12, 1956.
9. А.Н.Леонтьев, Теоретические проблемы психического развития ребенка, «Советская педагогика», № 6, 1957.
10. Т.Рибо, Память в ее нормальном и болезненном состоянии, изд. 3, Спб., 1912.
11. И.М.Сеченов, Кому и как разрабатывать психологию, «Избранные философские и психологические произведения», М., Госполитиздат, 1947.
12. И.М.Сеченов, Элементы мысли. Там же.
13. К.Д.Ушинский, Человек как предмет воспитания (Опыт педагогической антропологии), Собр. соч., т. 8 и 9, М., изд-во АПН РСФСР, 1950.
14. Г.Эббингауз, Основы психологии, Спб., 1912.
15. F.Bartlett, Psychological aspects of aging, Cambridge, 1954.
16. F.Bartlett, The transfer of training, Cambridge, 1954.
17. P.Janet, L'evolution psychologique de la Personnalite, Paris, 1929.
18. J.Piaget, La naissance de l'intelligence chez l'enfant, Neuchatel—Paris, 1935.

